

Предисловие плюс*

Большинство произведений А. и Б. Стругацких (АБС) писалось и издавалось в услови-

ях жесточайшей цензуры и непреерекаемого произвола издательских начальников. В результате практически все авторские тексты были в большей или меньшей степени искажены и изуродованы — либо рукой идеологически подкованных редакторов, либо (под давлением начальства) рукою самих авторов. Более того — искажения и исправления кочевали из одного переиздания в другое на протяжении многих лет. Поэтому задача — восстановить утраченное и исправить изуродованное, вернуть цензурные купюры, предложить читателю исходные тексты в том самом виде, в каком они изначально создавались авторами, — была, пожалуй, самой главной при подготовке к публикации настоящего собрания сочинений. В этом смысле предлагаемое читателю издание является, так сказать, «каноническим» или — «эталонным», если угодно.

Была и вторая задача: опубликовать в едином собрании по возможности все, что когда-либо у АБС печаталось, и добавить к этому если и не все, то, по крайней мере, многое — более или менее достойное — из никогда ранее не публиковавшегося. В этом смысле предлагаемое собрание является самым полным из всех выпускавшихся до сих пор, хотя целый ряд материалов (кое-какие рассказы, сценарии, черновые тексты) я так и не решился по разным причинам в это собрание включить — ведь далеко не все, что было в свое время написано, нравилось самим авторам.

Принцип расположения материала по моему предложению избран был хронологический: читатель имеет возможность знако-

---

* Предисловие к Собранию сочинений братьев Стругацких. — Донецк: Сталкер, СПб.: Terra Fantastica, 2000 г.

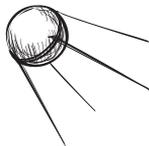
миться с текстами АБС именно в той последовательности, в какой эти тексты сходили с пишущей машинки. Полагаю, это обстоятельство способно натолкнуть вдумчивого читателя на определенные размышления и дать ему возможность сделать свои собственные выводы как о недалеком пока еще прошлом, так и о неодолимо надвигающемся будущем.

Я хотел бы особо подчеркнуть, что лично у меня никогда не хватило бы ни сил, ни терпения, ни умения проделать в одиночку всю ту поистине огромную работу, которую потребовалось проделать, чтобы довести это собрание сочинений до ума. И я пользуюсь случаем выразить искреннюю и самую глубокую благодарность всем-всем-всем, кто принимал участие в настоящем издании, и в первую очередь — членам группы «Людены», осуществившим титанический труд по корректировке и исследованию текстов, составлению библиографии и подготовке сопутствующих материалов: Светлане Бондаренко, Владимиру Борисову, Виктору Ефремову, Вадиму Казакову, Алексею Керзину, Виктору Курильскому, Юрию Флейшману... Всех не перечислишь, но я не могу в этом благодарственном списке не упомянуть беспощадного и точного нашего редактора Леонида Филиппова; питерского издателя Николая Ютанова, вложившего в эту затею так много сил и энергии; и, конечно же, конечно, — Главного Генерального Издателя — Александра Воронина, ведь это именно он весь этот проект изначально задумал, затеял, вдохновил и — в конечном итоге — реализовал.

Спасибо, спасибо, спасибо всем вам, энтузиасты, трудяги, мастера своего дела!

Всегда ваш

Б. Стругацкий

Страна багровых туч

Часть первая

СЕДЬМОЙ ПОЛИГОН

Серьезный разговор

Секретарь поднял на Быкова единственный глаз:

- Из Средней Азии?
- Да.
- Документы...

Он требовательно протянул через стол темную, похожую на клешню руку с непомерно длинным указательным пальцем; трех пальцев и половины ладони у секретаря не было. Быков вложил в эту руку командировочное предписание и удостоверение. Неторопливо развернув предписание, секретарь прочел:

«Инженер-механик гобийской советско-китайской экспедиционной базы Быков Алексей Петрович направляется Министерством геологии для переговоров о дальнейшем прохождении службы. Основание — запрос ГКМПС от...»

Затем он мельком проглядел удостоверение, вернул его и указал на дверь, обитую черной клеенкой:

- Пройдите. Товарищ Краюхин вас ждет.

Быков спросил:

- Предписание останется у вас?
- Предписание останется у меня.

В креслах вдоль стен приемной сидело несколько человек, ожидающих, по-видимому, своей очереди или вызова. Никто из них не обратил на Алексея Петровича никакого внимания. Это показалось ему странным — о нравах в приемных столичных учреждений он слышал совсем другое. Но и одноглазый секретарь, и покладистые посетители мгновенно вылетели у него из головы, когда он перешагнул через порог кабинета.

В просторном и сумрачном кабинете окна были закрыты бамбуковыми шторами. Тускло отсвечивали голые пластмассовые стены. Пол был покрыт мягким красным ковром. Быков огляделся, ища глазами хозяина кабинета, и возле широкого и пустынного письменного стола увидел две лысины. Одна лысина, бледная, даже какая-то сероватая, неподвижно возвышалась над спинкой кресла для посетителей. Другая, светло-шафрановая, наклонилась над папками по другую сторону стола и раскачивалась, словно ее обладатель недоверчиво обнюхивал лежащие перед ним кальки и голубые светокопии чертежей.

Затем Быков увидел третью лысину: она принадлежала безобразно толстой фигуре в сером комбинезоне, развалившейся на ковре, неуклюже уткнувшись серой плешивой головой в угол между стеной и сейфом. От шеи под стол тянулась круглая веревка...

В конце концов, у каждого начальника свои привычки, но не зашел ли этот слишком далеко? Быков неловко переступил с ноги на ногу, снова подергал «молнию» куртки и тревожно оглянулся на дверь. В этот миг шафрановая лысина исчезла. Послышалось сопение, и глухой, простуженный голос удовлетворенно произнес: «Великолепно держит! Великолепно!» И над столом медленно выросла громоздкая сутулая фигура в рабочем нейлоновом комбинезоне.

Человек этот был огромного роста, чрезвычайно широк в плечах и, вероятно, очень тяжел. Лицо его, обтянутое бурой изрытой кожей, казалось маской, тонкогубый рот сжат в прямую линию, а из-под мощного выпуклого лба холодно и внимательно уставились на Быкова круглые, без ресниц глаза.

— Что вам? — сипло осведомился он.

— Мне нужно видеть товарища Краюхина, — сказал Быков, опасливо покосившись на лысую фигуру, распростертую на ковре.

— Я Краюхин. — Человек с круглыми глазами тоже покосился на фигуру и снова уставился на Быкова.

Лысина в кресле оставалась неподвижной. Быков поколебался секунду, сделал несколько шагов вперед и представился. Краюхин слушал, наклонив голову.

— Очень рад, — сдержанно сказал он. — Я ждал вас еще вчера, товарищ Быков. Прошу садиться. — Он указал громадной, словно лопата, ладонью в сторону кресла. — Сюда, пожалуйста. Освободите место и садитесь.

Ничего не понимая, Быков подошел к столу, повернулся к креслу и едва удержал нервный смешок. В кресле лежал странный, похожий на водолазный скафандр костюм из серой упругой ткани. Круглый серебристый колпак с металлическими застежками выступал над спинкой.

— Снимите его, положите на пол, — сказал Краюхин.

Быков оглянулся на толстое чучело, лежавшее в углу возле сейфа.

— Это тоже спецкостюм, — нетерпеливо проговорил Краюхин. — Садитесь же!

Быков поспешно освободил кресло и сел, испытывая некоторое смущение. Краюхин не мигая глядел на него.

— Так... — Он побарабанил по столу бледными пальцами. — Ну что ж, товарищ Быков, будем знакомы. Зовите меня Николай Захарович, любите, так сказать, и жалуйте. Работать вам придется под моим руководством. Если, разумеется...

Резкий звонок прервал его. Он взял трубку.

— Одну минуту, товарищ Быков... Слушаю. Да, я...

Больше он не сказал ни слова, но в голубоватом свете от экрана видефона Быков увидел, как его лицо сразу налилось краской и на голых висках вспухли темные узлы вен. По-видимому, речь шла об очень серьезных вещах. Из деликатности Быков опустил глаза и стал рассматривать спецкостюм, лежащий на ковре рядом с креслом. Через раскрытый ворот можно было видеть внутренность шлема. Быкову показалось, что сквозь него он различает грубый узор ковра, хотя снаружи серебристый шар был совершенно непрозрачен. Быков нагнулся, чтобы разглядеть шлем получше, но в этот момент раздался короткий треск брошенной трубки, затем легкий щелчок переключателя.

— Вызвать Покатилова! — сиплым шепотом приказал Краюхин.

— Есть! — отозвался кто-то невидимый.

— Через час.

— Есть через час!..

Снова щелкнул переключатель, и все стихло. Быков поднял глаза и увидел, что Краюхин с силой трет ладонями лицо.

— Так, — проговорил он спокойно, заметив, что Быков смотрит на него. — Вот ведь тупица! Как об стену горох... Прошу прощения, товарищ Быков. На чем мы... Да-да... Еще раз прошу про-

щения. Так вот, разговор у нас с вами будет серьезный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу... Прежде всего я хотел бы поближе познакомиться с вами. Расскажите о себе.

— Что именно? — спросил Быков.

— Прежде всего биографию.

— Биографию? — Инженер подумал. — У меня очень простая биография. Родился в 19.. году в семье водника, под Горьким. Отец умер рано, мне еще трех лет не было. Воспитывался и учился в школе-интернате до пятнадцати лет. Потом четыре года работал помощником моториста и мотористом реактивных глассеров-амфибий на Волге. Хоккеист. В составе сборной «Волга» участвовал в двух олимпиадах. Поступил в высшее техническое училище наземного транспорта. Это бывшая школа автобронетанковых войск. («Зачем так много говорю?» — кольнула неприятная мысль.) Окончил по отделению экспедиционного реакторного транспорта. Ну... послали в горы, в район Тянь-Шаня... Потом в пески, в Гоби... Там и служил. Там вступил в партию. Что еще? Вот и все.

— Да, биография простая, — согласился Краюхин. — Значит, вам сейчас тридцать три?

— Через месяц исполнится тридцать четыре.

— И не женаты, конечно?

Такой выпад со стороны начальника показался Быкову довольно бестактным. Инженер не любил намеков на свою наружность, и это «конечно» покорило его. Кроме того, ему казалось, что и лицо самого Краюхина тоже далеко не соответствует принятым идеалам мужской красоты. Он даже хотел было сказать об этом, но решил промолчать. Во всяком случае, внешность вряд ли может иметь для Краюхина решающее значение, а Быкову известна по крайней мере одна женщина, для которой обоженное солнцем лицо, туплеобразный нос и рыжие жесткие волосы не играют решающей роли.

— Я хочу сказать, — продолжал Краюхин, — что еще полгода назад вы, кажется, были холостяком.

— Да, — сухо ответил Быков, — я и сейчас холостяк. Пока...

Он вдруг понял, что Краюхин знает о нем многое и задает вопросы не потому, что интересуется ответами, а чтобы составить «личное впечатление» или с какой-то другой неясной целью. Это было неприятно, и Быков насторожился.

- Пока я холостяк, — повторил он.
- Следовательно, — сказал Краюхин, — близких родственников у вас нет?
- Следовательно, нет.
- И вы, так сказать, совершенно одиноки и независимы...
- Да, одинок. Пока одинок.
- Где, вы говорите, служили в последнее время?
- В Гоби...
- Давно?
- Три года...
- Три года! Все время в пустыне?
- Да. Конечно, были небольшие перерывы. Командировки, курсы... Но в основном в пустыне.
- Не надоело?
- Быков подумал.
- Сначала было тяжело, — проговорил он осторожно. — Потом привык. Конечно, служить там нелегко. — Он вспомнил огненное небо и черные океаны песка. — Но ведь и пустыню можно полюбить...
- Вот как? — сказал Краюхин. — Полюбить пустыню? И вы любите?
- Привык, конечно.
- Ваша последняя должность?
- Начальник колонны атомных транспортеров-вездеходов гобийской экспедиционной базы.
- Следовательно, машины хорошо знаете?
- Смотря какие...
- Вот хотя бы эти ваши атомные вездеходы.
- Вопрос показался Быкову праздным, и он промолчал.
- Скажите, это вы в прошлом году руководили спасением экспедиции Дауге?
- Я.
- Молодец, отлично справились! Без вас они бы погибли.
- Быков пожал плечами:
- Для нас это был довольно обычный марш-бросок, только и всего.
- Глаза Краюхина сузились.
- Но ведь и ваши люди пострадали, если мне память не изменяет.

Быков покраснел — при цвете его лица это выглядело утрашающе — и сказал со злостью:

— Была черная буря! Я не хвастаюсь, товарищ Краюхин. Марши под музыку бывают только в Москве на парадах. А в песках это сложнее.

Ему было неловко и досадно. Краюхин с неопределенной усмешкой разглядывал его.

— Так-так... Сложнее... Три года в песках. Это немало. Это хорошо. Скажите, товарищ Быков, вы чем-либо, помимо службы, увлекаетесь?

Быков озадаченно посмотрел на него:

— В каком смысле?

— Чем вы занимаетесь во внеслужебное время?

— Гм... Читаю, конечно. Играю в шахматы.

— Ведь у вас, кажется, кое-какие работы есть?

— Есть.

— Много?

— Нет, не много. Две статьи в журнале «Гусеничный транспорт».

— О чем писали?

— Ремонт моторных реакторов в полевых условиях. Личный опыт.

— Ремонт моторных реакторов... Очень интересно. Кстати, кроме хоккея, чем в спорте интересуетесь?

— Самбист... Инструктор.

— Это хорошо. Так. А астрономией вы никогда не интересовались?

Быкову показалось, что Краюхин издевается над ним. Он ответил:

— Нет, астрономией не интересовался.

— Жаль!

— Возможно...

— Дело в том, Алексей Петрович, что ваша работа у нас будет до известной степени, так сказать, связана с этой наукой.

Инженер нахмурился:

— Простите, не совсем понимаю...

— Что вам сказали, когда откомандировали к нам?

— Сказали, что направляют для переговоров об участии в научной экспедиции. Временно...

- В какой экспедиции, не говорили?
- Куда-то в пустыни на поиски редких руд.

Краюхин хрустнул бледными пальцами и положил ладони на стол.

— Да, разумеется, — пробормотал он. — Вполне естественно. Этого они не знают. Так вот, Алексей Петрович, — сказал он со вздохом. — Разумеется, астрономия здесь ни при чем. Точнее, почти ни при чем. Еще точнее: д л я в а с ни при чем. Это не важно, что вы не интересовались астрономией. Вам она вряд ли понадобится. Ну в крайнем случае кое-что почитаете, кое-что вам расскажут. Но все дело в том, что работать вам придется не здесь. Так сказать, не на Земле.

Быков беспокойно моргнул. Ему снова вдруг стало не по себе, как полчаса назад, когда он переступил порог этого кабинета.

— Боюсь, что... не понимаю вас, — с запинкой проговорил он. — Не на Земле? На Луне, быть может?

— Нет, не на Луне. Гораздо дальше.

Это походило на очень странный сон. Краюхин, положив подбородок на сплетенные пальцы, говорил:

— Чему вы так удивляетесь, Алексей Петрович? Люди летают на другие планеты уже тридцать лет. Вы полагаете, это какие-то другие, особые люди? Ничего подобного. Обыкновенные люди, такие же, как вы. Люди разных специальностей. Я, например, убежден, что из вас вышел бы незаурядный межпланетник. Кстати, многие межпланетники пришли к нам, так сказать, извне — например, из авиации. Я понимаю, вам, инженеру с сугубо «земной» специальностью, возможность участия в таком деле просто не приходила в голову. Но вот обстоятельства сложились так, что мы посылаем экспедицию на Венеру, и нам нужен человек, отлично знающий условия работы в песках. Вряд ли тамошние пески сильно отличаются от вашей любимой Гоби. Только будет несколько труднее...

Быков вдруг вспомнил:

— Урановая Голконда!

Краюхин быстро, внимательно взглянул на него:

— Да, Урановая Голконда. Вот видите, вы уже почти все знаете.

— Венера... — медленно сказал Быков. — Урановая Голконда... — Он покачал головой и усмехнулся. — Я — и вдруг на небо! Невероятно!